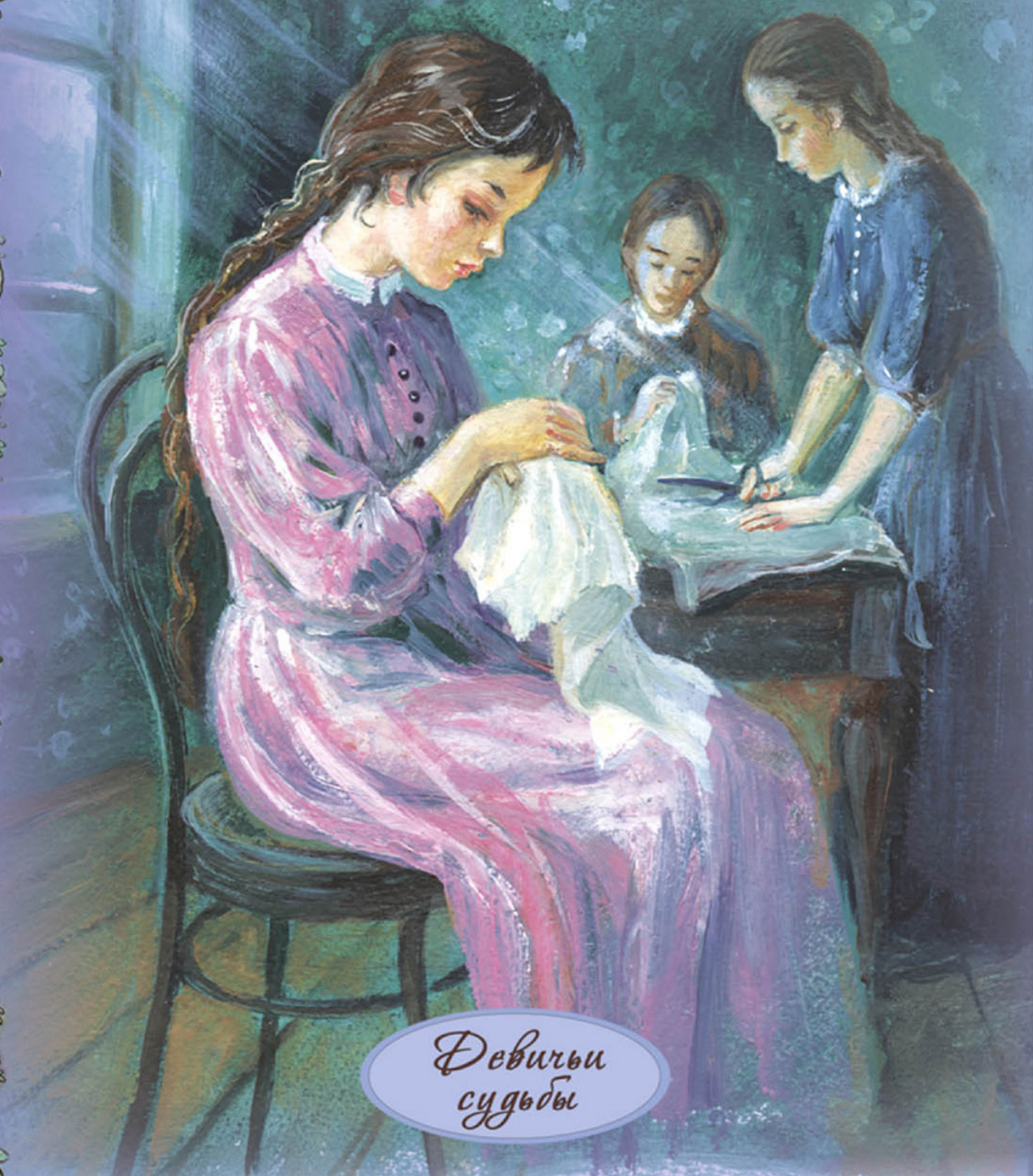

Александра Анненская

ЧУЖОЙ ХЛЕБ

Девочки
судьбы

Девичьи судьбы

Александра Анненская
Чужой хлеб (сборник)

«ЭНАС»

1871

УДК 82-3
ББК 84-44

Анненская А. Н.

Чужой хлеб (сборник) / А. Н. Анненская — «ЭНАС»,
1871 — (Девичьи судьбы)

ISBN 978-5-91921-046-7

В книгу включены две сентиментальные повести известной писательницы конца XIX – начала XX века Александры Никитичны Анненской. Аленушка, героиня повести «Чужой хлеб», сначала живет в доме богатой дамы и зависит от прихотей ее избалованной дочери. Потом она становится ученицей в швейной мастерской и проходит трудный путь, прежде чем обретет любящую семью. Соня из повести «В чужой семье» волею случая оказывается в семье своих родственников. Ее присутствие в доме учит его обитателей заботиться друг о друге. Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3

ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-046-7

© Анненская А. Н., 1871

© ЭНАС, 1871

Содержание

Предисловие от издательства	6
Чужой хлеб	7
Глава I	7
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александра Анненская

Чужой хлеб

В чужой семье

Серия «Девичьи судьбы»

Художник А. Власова

© А. Власова. Иллюстрации, 2011

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2016

* * *

Предисловие от издательства

Имя Александры Никитичны Анненской (1840–1915) сегодня почти забыто, а между тем в конце XIX – начале XX века ее повести и рассказы пользовались широкой известностью. Ими зачитывались юные читательницы.

А. Н. Анненская (урожденная Ткачева) – родная сестра революционера Петра Ткачева, двоюродная сестра (по матери) поэта Иннокентия Анненского. Она родилась в помещичьей семье под Великими Луками. Девочка рано лишилась отца и в одиннадцать лет вместе с матерью, младшей сестрой и братом переехала в Петербург. Там она окончила пансион, в шестнадцать лет сдала в Петербургском университете экзамен на звание домашней учительницы и два года проработала в одной из народных воскресных школ.

Анненская писала повести для детей: «Чужой хлеб», «Находка», «Сильный мальчик», «Товарищи», «Детство Чарльза Диккенса» и др. Они печатались в журнале «Семья и школа» в начале 1870-х годов.

В 1880-е годы некоторые ее произведения вышли отдельными изданиями – «Анна», «Брат и сестра», «Мои две племянницы», «Зимние вечера» и др. Анненская также перевела и пересказала для детей книги зарубежных писателей: «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, «Маленький оборвыш» Дж. Гринвуда, «Робинзон Крузо» Д. Дефо.

Кроме того, Александра Никитична написала биографии Н. В. Гоголя, Ч. Диккенса, Ж. Санд, Ф. Рабле и О. Бальзака, а также очерки о Дж. Вашингтоне, Ф. Нансене и М. Фарадее.

Сегодня мы представляем читателям книгу, в которую вошли две повести писательницы.

Простую девочку Аленушку, героиню повести «Чужой хлеб», богатая дама берет к себе в дом в качестве «живой игрушки» для своей избалованной дочери. Девочка зависит от любой прихоти хозяйки, а потом просто надоедает ей. Аленушка решает, что больше никогда не будет есть чужой хлеб, и становится ученицей в швейной мастерской. Ей предстоит жизнь, полная трудностей и лишений, прежде чем она найдет любящую семью.

Повесть «В чужой семье» рассказывает о жизни маленькой Сони. Выросшая в дружной семье, на время болезни отца она переезжает к родственникам. Здесь все по-другому: у каждого своя жизнь, у родителей свои заботы, братья и сестры думают только о себе. Все это кажется Соне странным. Она любит своих родственников и относится к каждому с сердечным участием. Своим примером учит их заботиться друг о друге...

Чужой хлеб

Глава I Аленушка

На крутом берегу маленькой, но светлой и быстрой речки лепилась бедная деревушка, состоявшая всего из какой-нибудь дюжины домиков. Домики эти, полуразвалившиеся, почерневшие от времени, грустно смотрели на мир Божий своими крошечными окошечками, часто вместо стекол заткнутыми бумагой. Еще летом, когда кругом все зеленело, когда с одной стороны откос берега покрывался мягким ковром свежей травы, а с другой виднелись поля с молодыми всходами хлебов, деревенька могла показаться довольно сносною. Но зимой, когда все кругом было завалено снегом, когда самые домики казались до половины зарытыми в нем, — зимой, вероятно, мало кому пришла бы охота поселиться здесь. Внутренность этих домиков вполне соответствовала их наружности: они были темны, грязны, с закоптелыми стенами и потолками, по большей части без труб; летом в них было темно и душно, зимой дуло из щелей. Непривычный человек не выжил бы здесь и недели; но хозяева привыкли к своим жилищам, они, конечно, не прочь бы выстроить дома попросторней и почище, проделать большие окна, вывести красивые печи, да ведь на все это нужны деньги, а откуда их взять, когда земля песчаная, хлеба родит немного, ни фабрик, ни заводов, где бы можно заработать лишний рубль, поблизости нет.

В одной из изб, едва ли не самой бедной и ветхой, около окна на скамейке сидела девочка лет восьми. Она держала на коленях толстый холстинный мешок, а в руках — иголку с ниткою. Вероятно, ей следовало шить, но на самом деле работа мало занимала ее. Она заглядывала в окно, через которое виднелась толпа деревенских ребятишек, собравшихся играть на берегу речки, и беспрестанно повторяла однообразным, заунывным голосом.

— Баба, пусти меня поиграть с ребятами!

Эта просьба, повторенная несколько раз, видимо надоела наконец старухе, копошившейся около печки.

– Полно тебе ныть-то! – прикрикнула она на ленивицу. – Ты кончи работу, да тогда и иди себе играть! Срам какой, целый день таскает мешок, дошить не может! Я вот уж дяде скажу, как придет!

Девочка взялась за работу. На щеках ее показались слезы, и все ее смуглое, загорелое личико приняло самое печальное выражение.

– Все ребятишки играют, я одна все сиди, да работай, – заговорила она плаксивым голосом.

– Глупа ты, Аленушка, вот что! – отозвалась старуха более ласковым голосом. – Ты бы то подумала: нет у тебя ни отца, ни матери, живешь ты у дяди, он нас с тобой, старого да малого, кормит, поит; без него нам бы с тобой побираться надо идти, Христовым именем жить! Так как же нам для него не работать, ему не угодить? Слышала, он говорил вечор: «Надо на мельницу ехать, муку привезти, а мешок весь разлезся!» Ну, ты ему и сшей новый, лепешки из муки-то чай будем есть, а?

– Я бы лучше не ела, только бы поиграть теперь, – проговорила девочка и подняла на старуху свои большие, темные глаза с таким умоляющим выражением, что та не устояла.

– Не ела! Как же, знаем мы тебя! – сказала она. – Ну, да уж ладно, что с тобой делать, давай я, может, дошью, еще видят кое-как глаза, поди поиграй.

Девочка бросила работу на лавку, быстро подскочила к старухе, кинулась ей на шею, крепко сжала ее своими худенькими ручонками, нежно поцеловала в сморщенную щеку и, прежде чем та успела сказать еще хоть слово, исчезла из избы.

Старуха, полурассерженная, полудовольная ласковостью ребенка, уселась у окна на место внучки и принялась за ее брошенную работу.

Между тем звонкий голос Аленушки уже раздавался на берегу реки в толпе других детей. Выбежав из темной избы и присоединившись к своим товарищам, девочка точно совсем переродилась. Она откинула назад темные волосы, беспорядочными прядями падавшие на ее лоб, глаза ее заблистали и засверкали детской веселостью; губки, сжимавшиеся и вытягивавшиеся так печально и даже сердито, теперь весело улыбались.

Всякий, взглянув на нее в ту минуту, как она стояла на берегу реки, придумывая вместе с другими детьми, какую затеять игру, назвал бы ее и очень красивою, и очень счастливою девочкою. И в эту минуту она действительно была очень счастлива, с беззаботностью детства забыла она все свои горести и собиралась от души веселиться. Ее нисколько не тревожило, что ноги ее были босы, что ее коротенький холстинный сарафан был покрыт очень некрасивыми заплатами, что рубашка ее не отличалась ни тонкостью, ни чистотой. Что за беда! Подруги ее были одеты немногим лучше, да она, по правде сказать, на одежду никогда и не смотрела, только бы побегать да поиграть.

– Давайте играть в волки! – предложил один высокий белокурый мальчуган. – Я буду волком, Федя пусть будет пастухом, а кто-нибудь – собаками, а другие – коровами.

– Нет, лучше я буду волком, – сказала Аленушка.

– Я хочу быть собакой! – закричала одна девочка.

– Нет, я! – заспорила другая.

– И я, и я также! – закричало еще несколько голосов.

– Я не хочу быть пастухом! – заворчал Федя.

– Чем спорить, – предложила одна из старших девочек, – давайте лучше бросать камешки в реку: чей дальше – тот волк, чей после него – тот собака, а чей всех ближе – тот пастух.

Умный совет был принят, и скоро роли разделились. Нашей Аленушке страх как хотелось попасть в волки, но именно оттого-то она слишком поторопилась и не попала даже в собаки. Пастухом пришлось быть Феде, толстенькому пятилетнему карапузу, который был совсем плох

для беганья, и которому потому всегда назначали самое легкое дело. Волком сделался именно тот мальчик, который предложил игру. Он был очень ловок, силен, и убежать от него стаду было дело нелегкое. Действительно, не прошло и десяти минут, как все стадо было им переловлено и загнано в кусты, и даже собака отправлена туда же. Один только пастушок печально сидел на камушке, изображавшем его дом, да Аленушка не давалась в руки хищника. Пока он преследовал других, она держалась в стороне, а теперь, когда увидела, что осталась одна, употребляла всю свою силу и ловкость, чтобы не поддаться ему. Она знала, что на открытом месте ей не спастись от своего противника, который был на целую голову выше ее, и потому пользовалась каждым кусточком, чтобы спрятаться от него, и смущала его неожиданными поворотами из стороны в сторону. Сеня, так звали волка, загнал наконец ловкую козочку – Аленушка была слишком прытка, чтобы представлять неуклюжую корову – на самый берег реки, где ей нельзя было бежать иначе как в прямом направлении.

Теперь победа должна была остаться за ним, с каждым шагом он более и более приближался к своей жертве. Аленушка чувствовала опасность, уже готова была поддаться, вдруг смотрит – на том месте, где прежде через речку проходил мост, лежит дощечка, опираясь одним концом на берег, другим – на камень посередине реки. Не долго думая, смелая девочка взбежала на эту дощечку и весело покачивалась на ней, между тем как ее преследователь в изумлении остановился на берегу.

Дощечка была узенькая, а главное полугнилая, так что он не решался ступить на нее. Аленушка же громко хохотала, раскачиваясь над водой.

Дети до того занялись своей игрой, что не заметили приближения посторонних. А между тем на берегу реки, недалеко от дощечки, на которой стояла Аленушка, сидела уже несколько минут молодая, изящно одетая дама с маленькой, не менее изящно одетой девочкой. Они, должно быть, возвращались с прогулки, и девочка засмотрелась на игру детей; когда Аленушка вскочила на доску, она даже вскрикнула от удовольствия, что та спаслась от волка. Дама, до тех пор рассеянно глядевшая по сторонам, обернулась посмотреть, что так заинтересовало ее дочь, и с любопытством, даже с каким-то изумлением устремила глаза на Аленушку. Действительно, на девочку можно было заглядеться в эту минуту: заходящее солнце обливало ее своими золотистыми лучами, и это несколько фантастическое освещение придавало необыкновенную красоту ее и без того хорошенькому личику. Ветер разведал ее каштановые волосы; смуглые щечки ее разгорелись от продолжительного бега; пунцовые губки ее весело улыбались, выказывая крошечные беленькие зубки; глазки ее блестели и искрились, как две звездочки на небе. Даже старенький коротенький сарафан не портил ее. Он также развевался по воле ветра и не закрывал несколько голеньких ножек, правда, довольно грубых и красненьких, но таких маленьких и таких красиво выточенных, что всякий невольно назвал бы их миленькими. Случись поблизости живописец, он, наверное, тотчас бы затеял срисовать портрет маленькой деревенской красавицы; впрочем, если бы он был при этом и человек добрый, он прежде всего постарался бы снять неосторожную девочку с хрупкой доски, на которой жизнь ее подвергалась опасности. Надобно думать, что дама, любовавшаяся на Аленушку, не принадлежала к числу таких добрых людей: она глядела на девочку как на хорошенькую картинку, и ей в голову не приходила мысль, что это живой ребенок, который каждую минуту может слететь в воду и дорого поплатиться за свою шалость.

Между тем товарищи Аленушки, мало обращавшие внимания на красоту, соскучились ждать и смотреть, как Аленушка покачивается на своей дощечке, а бедный волк ходит по берегу, не зная, на что решиться, и объявили игру конченной, с тем что в следующей Аленушка может быть волком, а в этот раз она не поймана.

Аленушка сбежала на твердую землю, и все дети с веселым криком отправились на лужок, где должно было пастись новое стадо.

– Ну, пойдем теперь домой, Лида, – сказала дама своей дочери, – становится сыро, ты так легко одета, мой ангел!

– Мама, – заговорила Лида, вставая с места, чтобы следовать за матерью, – как весело играют эти деревенские дети! Мне бы очень хотелось побегать с ними.

– Фи, дружок, как можно! Ты видишь, какие они все грязные, дурно одетые, как они кричат, хохочут, хватают друг друга! Подожди, вот осенью вернемся в Петербург, ты опять будешь играть в Летнем саду со своими подругами; ведь они же лучше этих ребятишек, не правда ли?

– Да, конечно, – нехотя согласилась Лида. – А, мама, ведь хорошенькая девочка стояла на мостике, правда?

– Да, очень, необыкновенно хорошенькая, даже удивительно, как явилась такая красавица среди всей этой грязи и бедности. Надо непременно узнать, чья она. А теперь пойдем поскорее, моя радость, я так боюсь за тебя в этой сырости!

Они прибавили шаг и вскоре подошли к калитке сада, из-за деревьев которого виднелся большой барский дом, где на балконе их уже давно ожидал чай с густыми деревенскими сливками и разными вкусными булочками.

Между тем грязные деревенские ребятишки продолжали свою веселую игру, хотя солнышко уже село и сырой, довольно холодный туман спустился на реку и ее берега. Но вот на улицу стали выходить из изб матери играющих и, кто ласково, кто ворчливо, звали детей домой. Все взрослые уже вернулись с работ, надобно было поскорее ужинать да и ложиться спать, чтобы завтра опять встать с восходом солнца и опять приниматься за тяжелую летнюю работу. Аленушку никто не звал, и она осталась на улице, пока не разошлись все остальные и голод не напомнил ей, что и ее дома ждет ужин, хотя скудный. Оживленная игрой, веселая и беззаботная, вбежала она в свою избу, где за столом уже сидел ее дядя, ожидая ужина, который подавала бабушка.

– Опять ты целый день шаталась, мерзкая девчонка, – закричал дядя на входившую девочку.

– Я с ребятами играла, меня бабушка пустила, – проговорила испуганным голосом Аленушка, и вся веселость ее вмиг исчезла.

– Бабушка! Бабушка балует тебя, вот что, за тебя надо мне самому приняться! Вот сломлю хороший прут да отстегаю тебя, так забудешь у меня бегать, живо научишься работать!

Крупные слезы покатались из глаз Аленушки, она закрыла лицо рукавом рубашки и молча ушла в угол, за дверь. Она чувствовала, что не виновата, что играла не больше других детей, но знала, что дядя строг, что под сердитую руку он готов не только разбранить, но даже избить за какое-нибудь невпамятство сказанное слово.

Бабушке жаль стало обиженную девочку.

– Полно, Пахомушка, – обратилась она к сыну, – чего ты напустился на ребенка! Ты заказал ей сшить тебе мешок, ну, вон она сшила, видишь, славный какой! А что поиграла она маленько с ребятами, так это не беда, ведь невеличка она еще! Подожди, подрастет, будет нам работницей хорошей!

– Будет, жди! А пока корми да пои ее, а может, еще и толку с нее никакого не выйдет. Ну, чего морду воротишь! Не велика важность, что дядя прикрикнул, без этого с вами, девками, нельзя! Иди, знай, сюда, жри! На это ты мастерица!

– Иди, Аленушка, матушка, – приголубила бабушка все еще плакавшую девочку, – иди родименькая, а то дядя больше осерчает, иди, покушай киселька, ты ведь любишь.

Аленушка вышла из своего уголка печальная, с заплаканными глазами, едва сдерживая рыдания; чтобы не рассердить дядю, села за стол. На ужин бабушка подала гороховый кисель, любимое кушанье девочки, и вид его несколько рассеял ее печаль, тем более, что и дядя стал

к ней поласковее; он даже поменялся с ней ложками, дал ей свою новенькую, расписную, а сам стал есть старой, сломанной.

Все ели молча; уже к самому концу ужина дядя заговорил:

– Вот, Аленка, девка ты большая, работать не любишь, дома не сидишь, а хоть бы шата-лась-то с толком. Вон у Михея, кузнеца, сынишка, меньше тебя будет, а какой шустрый мальчишка; узнал, что в село приехали господа, пошел в лес, насбирал земляники, снес им, а они-то ему за маленький кузовок да серебряный гривенник дали. Чтоб этак тебе сходить по ягоду, все гривенничек-другой принесла бы в дом!

– И взаправду, Ленушка, – подхватила бабушка, – что так-то мотаться! Сходила бы к господам, так они бы тебе, может, еще и старенькое платишко какое подарили, – они, говорят, добрые!

Глазки Аленушки опять весело заблистали.

– Хорошо, баба, я завтра же чем свет пойду по ягоду. Там в лесу, что за полем, такая куча земляники, мы намерены с девками уж ели, ели ее, все не могли съесть.

– Да ты иди не ешь, а собирать для господ, да за кузовок-то смотри меньше гривенника не бери, – прикрикнул дядя.

Аленушка и на это была согласна. Идти рано утром в лес за ягодами было для нее немалым удовольствием. Часто убегала она туда потихоньку, пока бабушка не засадит за работу или дядя не даст какого-нибудь поручения. А тут еще сами посылают, значит, можно идти без всякого страха. Продажа ягод господам представлялась ей также довольно веселой вещью. Не раз, проходя мимо длинного забора господского сада, она подглядывала туда через решетку, и ей очень хотелось погулять по хорошеньким аллеям, усыпанным желтеньким песочком, и посмотреть, как люди живут в этом большом красивом доме с белыми выштукатуренными стенами и зелеными ставнями. Конечно, идти туда одной ей было страшно, но она позовет с собой свою подругу Таню – та уж большая, ей двенадцать лет, и притом она не боится никого на свете, с нею нигде не страшно. С этими веселыми мыслями Аленушка крепко заснула на своей далеко не роскошной постельке, состоявшей из кучки сена, припасенной для нее доброй бабушкой в углу за печкой.

На другое утро, прежде чем первые лучи солнца показались из-за горизонта, дядя Пахом уже встал, чтобы ехать на мельницу за мукой. Аленушка слышала, как вставал ее дядя, как он несколько раз то выходил из избы, то опять возвращался в нее, снаряжаясь в путь, но она лежала смирнехонько, боясь, что дядя, пожалуй, передумает послать ее за ягодами и опять даст ей какую-нибудь скучную работу. Только услышав на дворе понуканье дяди, а затем шум отъезжавшей телеги, она вскочила с постели, набросила на себя сарафан и подбежала к бабушке с просьбой дать ей кузовок для ягод.

– Ах ты, глупая девка, как посмотрю я на тебя, – проговорила бабушка, – ну чего обрадовалась? Еще глаза не продрала порядком, а уж бежать. Ты сперва умойся, да лоб перекрести, да надень рубашку почище, да тогда об кузовке хлопочи!

Аленушка торопливо исполнила все, что приказывала старушка, и минут через десять уже весело бежала на противоположный конец деревни к домику, где жила Таня. Отец и мать Тани ушли на работу, оставив ее дома смотреть за семилетним братишкой и за годовалой сестренкой. Таня рассудила, что семилетний мальчик может быть отлично нянкой для маленького ребенка, и потому заперла обоих детей в избе, строго наказав им никуда не выходить до ее возвращения, и с радостью побежала в лес вместе с маленькой подругой.

Утро было ясное, свежее. Только что взошедшее солнце не жгло, а как-то ласково пригревало своими лучами. На всех лугах и полях блестели алмазами тысячи капелек росы, речка серебристой ленточкой струилась между зелеными берегами, блестя на солнышке и отражая безоблачное небо; птички без умолку пели и щебетали в кустах; все казалось таким веселым, таким праздничным. Но едва ли не веселее всех были две подружки, шедшие с кузовками в

руках за ягодами в лес. Они то пускались бежать наперегонки по дороге, то перепрыгивали через канавы и разные камни, то, взявшись за руки, шли тихонько, без умолку болтая о разных разностях.

В лесу оказалось действительно столько ягод, как говорила Аленушка. Девочки без труда наполнили свои кузовки, да и сами вдоволь налакомились. Они захватили из дому по куску черного хлеба и теперь с большим аппетитом поели его вместе со спелой, сочной земляникой.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда они решились наконец выйти из лесу и отправиться к господам. Сердце Аленушки немного билось, когда Таня смелою рукой отворила калитку барского сада и потащила ее прямо по усыпанной песком аллее к балкону дома. На маленькой лужайке перед этим балконом стоял круглый стол, покрытый белой скатертью, на ней шипел и дымился серебряный самовар, окруженный всеми принадлежностями к чаю, но людей никого не было видно. Это несколько ободрило Аленушку; она решилась, по примеру Тани, подойти поближе к столу и оглядеться кругом. Через несколько секунд дверь дома отворилась и на балкон вышла молоденькая девица в пышном кисейном платье и в огромном шиньоне, ведя за руку ту самую Лиду, которую мы уже видели на берегу реки. Девочка тотчас заметила двух крестьяночек и подбежала к ним.

– Что вам надо? Зачем вы пришли? – спросила она несколько резким голосом.

– Мы принесли ягодок вашей милости, – заговорила Таня, между тем как смущенная Аленушка спряталась за спину подруги.

– Ягод? Земляники? Я скажу маме! – И Лидочка побежала назад домой. Через несколько секунд она возвратилась. – Мама велела взять у вас землянику и заплатить вам, – объявила она.

– *Mademoiselle*, – обратилась она затем по-французски к девице в шиньоне, – возьмите у них ягоды.

Mademoiselle принесла блюдо и начала высыпать на него ягоды. Аленушка подала свой кузовок и, смущенная, покрасневшая, с опущенными глазами, ждала, чтобы его ей возвратили. В эту минуту на балкон вышла мать Лиды. Бросив беглый взгляд на девочек, она сразу узнала ту, которая так понравилась ей накануне.

– Посмотрите, *mademoiselle*, – сказала она по-французски, – это вчерашняя красавица, о которой я вам рассказывала.

Потом, подойдя к детям, она подала Тане медный пятак, говоря:

– Ну, ты можешь уйти, голубушка, а сестра твоя пусть останется у нас немножко, мне хочется поговорить с нею.

– Она мне не сестрица, сударыня, – отвечала Таня, – мы только с ней из одной деревни. Пусть она, коли хочет, остается, а мне уж надо скорей домой!

– Ну ступай себе с Богом, приноси нам и в другой раз земляники. А ты, милая, останься! – обратилась барыня к Аленушке.

Аленушке вовсе не хотелось оставаться. Она посмотрела на Таню, но та, отвесив присутствующим низкий поклон, зашагала вон из сада. Аленушка посмотрела кругом себя: такие нарядные господа, как же им сказать «не хочу»? Бедная девочка решилась, скрепя сердце, остаться и ждать, что будет.

– Ну-ка подыми головку, – опять ласковым голосом заговорила барыня, – скажи нам, как тебя зовут?

– Алена.

– Алена? Что за имя! Должно быть, Елена? Что, Елена, есть у тебя отец и мать?

– Нет.

– У кого же ты живешь?

– У дяди.

– Добрый он?

– Нет.

– Бьет тебя?

– Да.

– Бедное дитя, – опять обратилась барыня по-французски к *mademoiselle*.

– Мама, – сказала Лида также по-французски, – эта девочка не грязная, позвольте ей поиграть со мной, мне здесь скучно одной!

Мама задумалась. Она еще раз осмотрела Аленушку с ног до головы, и, вероятно, осмотр этот оказался удовлетворительным, потому что она сказала:

– Елена, вот маленькая барышня хочет поиграть с тобой. Посиди там в сторонке на травке, она напьется чаю и тогда придет к тебе.

Аленушка покорно села на указанное место, она с благодарностью взяла кусочек сладкой булки, который подала ей *mademoiselle*.

Лидочка спешила пить чай, чтобы скорее идти к своей новой подруге. Она ужасно скучала в деревне, где ее мало учили, где *mademoiselle* большую часть времени проводила с ее матерью в чтении каких-то французских романов, где у нее не было ни одной подруги и куда ей не позволили даже перевезти все городские игрушки. Накануне ей было очень интересно смотреть на игру крестьянских детей, она в душе даже позавидовала им, и теперь она надеялась, что эта маленькая крестьяночка, такая ловкая и веселая, позабавит ее и заставит забыть деревенскую скуку. Наскоро выпив чай, она сейчас же подбежала к Аленушке и повела ее с собой в беседку, где было устроено летнее помещение для ее кукол, лошадок, коровок и других игрушек. Аленушка чувствовала сильное смущение. Она совсем не знала, как ей говорить и обращаться с такой нарядной, беленькой, деликатной барышней, как Лидочка; куклы же, в их пышных туалетах, внушали ей положительно страх. Она не смела своими грубыми, загорелыми пальцами дотрагиваться до беленьких ручек этих важных барынь, почти не смела подходить к ним. Но мало-помалу она оправилась. Лидочка была так весела, так приветлива и ласкова к ней; лайковые¹ барыни сидели так неподвижно, выказывали так мало неудовольствия при самом бесцеремонном обращении с ними, что Аленушка понемногу ободрилась. Через час она уже довольно свободно разговаривала с Лидочкой и дотрагивалась до ее игрушек, а через два даже выдумала очень занимательную игру, которая заставляла обеих девочек громко хохотать. Мать Лидочки и гувернантка ее несколько раз входили в беседку посмотреть, что делают дети, и, видя, что Лидочка весела, а Аленушка ведет себя прилично, уходили довольные. Лидочка попросила, чтобы ей принесли завтрак в беседку, и поделилась им со своей подругой, но перед обедом Лидия Павловна – так звали мать – объявила Аленушке, что она может отправляться домой. Лидочка надула губки и готова была заплакать. В утешение ей Лидия Павловна сказала Аленушке, что она может всякое утро приходиться играть с барышней. Обе девочки остались очень довольны этим позволением, они нежно поцеловались на прощанье, и Лидочка проводила свою новую подругу до самой калитки сада, беспрестанно повторяя:

– Так ты придешь завтра? Смотри же, непременно приходи, я буду тебя ждать!

– Приду, приду, – отвечала Аленушка, – ранешенько приду, еще вы спать будете!

Весело, даже с некоторою гордостью, возвращалась Аленушка домой. Она совсем забыла приказ дяди не продавать ягод меньше как за гривенник, совсем забыла, что ей ничего не заплатили за ее ягоды, и с восторгом представляла себе, как будет удивляться бабушка ее рассказам обо всем, что она видела в барском доме. Действительно старушка и удивилась, и обрадовалась, узнав, что ее внучка попала в милость к господам. Она погладила Аленушку по кудрявой головке и ласково сказала:

– Это тебе, сиротинушке, Бог счастье посылает. Ты барам угождай, так и от них милость увидишь, твое дело сиротское, всякому должна услужить!

¹ Лайковый – сделанный из лайки, тонкой, мягкой кожи.

Дядя Пахом, возвратясь домой вечером и узнав о приключениях своей племянницы, не остался доволен ими:

– Нечего тебе баловаться, в барские хоромы лезть, – сердито проворчал он, – ты мужичка, так и знай свою работу мужицкую.

Аленушке очень не понравились эти слова дяди, она не смела возражать ему, но так как он не запретил ей положительно ходить к господам, то она и решила, не обращая внимания на его ворчанье, отправиться туда на другой же день. Бабушка вполне поддерживала ее в этом. На следующее утро она сама тщательно причесала ей голову, дала ей надеть ситцевый сарафан и повязала ей на шею свой собственный новенький ситцевый платочек. Аленушка пришла в господский сад так рано, что вся даже прислуга в доме спала, и успела вдоволь нагуляться в саду и во дворе и даже нарвать на лугу целый букет полевых цветов, прежде чем Лидочка встала. Этот день прошел для обеих девочек еще веселее вчерашнего, так как они уже совершенно познакомились, и Аленушка не дичилась больше.

Она даже стала слишком развязна и совершенно бесцеремонно хватала за руки и за платье барышню, называла ее просто «Лида» и «ты». Это не понравилось Лидии Павловне.

– Послушай, девочка, – сказала она строгим голосом, – барышня так добра, что позволяет тебе играть с собой, но ты не должна забываться.

Это замечание очень смутило Аленушку. Как ни мала она была, но она поняла, или, лучше сказать, почувствовала, что не может быть веселой игры там, где нет равенства между играющими, и ей на минуту показалось, что лучше идти домой к своим подругам, которых можно называть как угодно. Но это продолжалось только одну минуту. Лидия Павловна вышла из беседки, а Лидочка, заметя смущение своей подруги, поспешила утешить ее.

– Полно, – сказала она, ласкаясь к ней. – Ты меня только при больших называй «барышней», а когда мы одни, так мне все равно, как ты меня зовешь. Ну, давай же играть!

И Аленушка, забыв свое минутное огорчение, весело принялась за игру.

С этих пор она стала каждый день приходить к Лидочке. Иногда ее оставляли у господ на целый день, иногда же отправляли домой раньше, смотря по тому, была ли у матери и у гувернантки охота заниматься с Лидочкой или им приятнее было дочитывать свой роман, предоставляя детям играть на свободе. Обе девочки очень подружились между собой. Аленушка никогда в жизни не видала игрушек, и потому беседка, наполненная ими, казалась ей каким-то волшебным замком, в котором часы летели незаметно. Чтобы не лишиться позволения приходить в эту беседку, она готова была исполнять множество капризов Лидочки и во многом уступать ей. Лидочка со своей стороны очень дорожила деревенской подругой, которая была так весела, так изобретательна на новые игры, она боялась обижать Аленушку, боялась, что та, пожалуй, перестанет приходить к ней, и старалась обращаться с ней как можно ласковее. Конечно, без маленьких ссор дело не обходилось; но ссоры эти бывали непродолжительны: каждая девочка чувствовала, что для собственного удовольствия должна поддерживать мир, и согласие скоро восстанавливалось. Лидии Павловне и *mademoiselle* Аленушка нравилась. При них девочка чувствовала себя неловко и потому была тиха и почтительна. Кроме того, она забавляла Лиду, что давало им возможность целый день не заботиться о ней, и за то они были благодарны маленькой крестьянке. Свою благодарность *mademoiselle* выражала кусочками сахара и булки, пирожками и конфетами, которые она совала в руку Аленушке почти всякий день при уходе ее домой, а Лидия Павловна более существенными подарками: она несколько раз давала Аленушке денег для передачи бабушке, кроме того, купила ей ситцу на два сарафана, коленкор² на рубашки, чулки и башмаки. Все эти подарки очень радовали Аленушку, а еще более радовали они ее бабушку, гордившуюся тем, что из всех детей деревни господа оказывали милость одной только ее внучке.

² Коленкор – тонкая хлопчатобумажная ткань.

Так прошло все лето. Приближалась середина августа, и господа стали поговаривать об отъезде в Петербург. Когда Аленушка услышала в первый раз от Лиды о том, что им осталось поиграть вместе всего несколько дней, она разразилась такими горькими рыданиями, что Лидочка сама расстроилась и принялась плакать вместе с нею. В этот день девочки почти не играли. Аленушке тяжело было браться за игрушки, которых она скоро совсем не увидит, а Лидочке казалось, что без веселой подруги все эти игрушки будут скучны и незанимательны. Аленушка рано ушла домой, печальная и унылая.

В тот же вечер Лидочка, сидя на скамеечке у ног матери, сказала ей:

– Мама, знаешь, мне совсем не хочется ехать в Петербург.

– Что это значит, отчего?

– Оттого, что там не будет Аленушки. С ней мне так весело играть, как ни с одной девочкой! Мама, возьмем ее с собой!

– Что ты, душенька, полно, что же она будет у нас делать?

– Да играть со мной, мама! Мне так скучно одной! Знакомые девочки приезжают не часто, да при них надо всегда быть в хорошем платье, все смотреть, как бы не запачкать или не смять чего-нибудь у них или у себя, а Аленушка бы всегда была со мной, она такая славная, с ней так весело! Мама, душенька, возьмем ее!

– Ну об этом еще надо подумать, дружок, да поговорить с mademoiselle.

– Милая мамочка, дорогая, я буду так, так плакать, если ты не возьмешь Аленушку!

«Да и в самом деле, не взять ли девочку с собой, – подумала Лидия Павловна, – она забавляет Лидочку, к тому же она сирота и такая хорошенькая; это будет доброе дело».

Она посоветовалась с mademoiselle; mademoiselle очень обрадовалась намерению Лидии Павловны. В Петербурге Лидочка сильно скучала играть одна, и потому гувернантке постоянно приходилось забавлять ее, выдумывать для нее разные игры; она надеялась, что при Аленушке ее обязанность во многом облегчится, и потому советовала Лидии Павловне взять девочку с собой.

На другой день Лидия Павловна послала за бабушкой и за дядею Аленушки. Они очень удивились, когда лакей пришел сказать им, что барыня зовет их к себе, и испугались, не напроказила ли чего-нибудь их Аленушка, в то время бывшая в господском доме. День был воскресный. Пахом не работал, и потому пошел вместе со старухой к барыне.

Лидия Павловна велела позвать их в столовую и ласково заговорила с ними; она расспрашивала, большая ли у них семья, много ли они работают, достаточно ли живут, давно ли умерли родители Аленушки, и наконец сказала:

– Вы люди небогатые, для вас, должно быть, тяжело содержать девочку, которая еще не скоро в состоянии будет работать; мне же она понравилась, и дочка моя полюбила ее; отдайте ее мне, я свезу ее с собой в Петербург и буду о ней заботиться.

– Матушка, барыня, да за что же милость такая ваша нам! Да мы весь век за вас будем Богу молить! Истинно, сиротское счастье нашей Аленушке! Награди вас Господь! – воскликнула старуха со слезами радости.

– Так значит, решено? Вы мне ее отдаете? – спросила Лидия Павловна, взглядывая на Пахома, который мрачно молчал.

– Вот что, сударыня, – заговорил Пахом, – я, конечно, человек бедный, для меня лишний кусок хлеба много значит, а только я свою родню прокормить могу. С голоду Аленка не помрет, живши со мною. Коли вы счастья ее хотите, так берите ее, я перечить не могу, а только, чтобы обиды не было у вас девке! У богатых ведь бывает, что и барé добрые, да прислуга злая, а я дочку моей сестры покойной в обиду давать не хочу!

Слова эти очень не понравились Лидии Павловне.

– Неужели вы думаете, – сухо сказала она, – что я дам кому-нибудь в обиду девочку, которую возьму к себе в дом. Если вы мне не доверяете, если вы думаете, что вашей племяннице у меня будет хуже жить, чем у вас, то, конечно, вам лучше оставить ее у себя.

– Полноте, матушка, барыня, – испугалась старушка, – не извольте гневаться, это он ж так сказал по своему глупому мужицкому разуму. Может ли у нас, в курной избе, быть жизнь лучше, чем в ваших хоромаш! Уж облагодетельствуйте нашу девочку, мы ввек не забудем вашей милости. Поклонись, Пахомушка, барыне, куда тебе еще с племянницей возиться, даст Бог, женишься, своя семья будет.

Пахом поклонился, повинуюсь словам матери, но лицо его сохраняло прежнее мрачное выражение. Несмотря на свою всегдашнюю угрюмость, он был человек добрый, и ему казалось грустно отдавать маленькую племянницу, хоть к богатым, но чужим, незнакомым людям.

– Ну, так как же, отдаете мне девочку? – еще раз спросила Лидия Павловна.

– Отдаем матушка, благодарим вас, – отвечала старуха, бросаясь целовать руки барыни.

– Нельзя не отдать, может, вы счастье ее составите, – со вздохом проговорил Пахом. – Только уж будьте милостивы, сударыня, не дайте сироту в обиду. – И он низко, чуть не до земли, поклонился Лидии Павловне.

Таким образом, судьба Аленушки была решена, а она, ничего не подозревая, весело бегала в это время с Лидочкой по аллеям сада.

Глава II

Нелли

После описанных нами сцен прошло более полугода. Мы попросим читателя перенестись вместе с нами из той бедной деревеньки, где они происходили, в Петербург, в одну из самых богатых и многолюдных улиц его. Там, в большой комнате, принадлежащей к роскошной квартире Лидии Павловны Вязиной и уставленной всевозможными игрушками и богатыми безделками, сидит у окна девочка, по-видимому, внимательно следящая за суетливым движением народа на улице. На девочке надето светлое шерстяное платье и беленький передничек, обшитый кружевцами; ножки ее обуты в хорошенькие прюнелёвые³ сапожки, волосики гладко причесаны и обвязаны ленточкой, мешающей им падать на лоб и глаза. В этой маленькой барышне трудно с первого взгляда узнать нашу старую знакомую, Аленушку.

Только взглядевшись поближе и, главное, заставив ее рассмеяться так, чтобы темные глазки заблестели по-прежнему и пунцовый ротик опять показал ряд жемчужинок, мы безошибочно скажем, что это прежняя хорошенькая деревенская девочка. Городской костюм не послужил к украшению ее. Талия ее казалась как-то неуклюжей в платье; от кружевных нарукавничков руки ее казались еще более красными и грубыми, чем в деревне; личико ее было далеко не так свежо и оживленно, как полгода тому назад.

Если бы кто-нибудь вздумал теперь позвать ее: Аленушка! – она не откликнулась бы на это имя; теперь ее звали уже не так. Лидия Павловна нашла, что имя Аленушка слишком «мужицкое», что его даже как-то неприлично произносить в ее богатом доме; Лидочка вспомнила, что у их знакомой, баронессы Корн, была внучка Елена, которую все называли Нелли. Это было уже совсем не по-мужицки, даже очень мило, и потому, по приезде в Петербург, Аленушку немедленно перекрестили в Нелли. Девочка не пожалела о своем старом имени, тем более что вместе с новым у нее появилось несколько хорошеньких платьиц, шляпка и пальто, правда старенькое, служившее в прошедшем году Лидочке, но для нее достаточно красивое.

Первое время по приезде в Петербург Аленушка, или Нелли, как мы лучше, по примеру прочих, станем звать ее, была точно в каком-то чаду. Ей пришлось сразу увидеть такое множество вещей, о которых она до тех пор не имела ни малейшего понятия, что она совсем растерялась и оробела. К новой жизни, совершенно отличной от той, какую она вела до тех пор, ей было также нелегко привыкать. В деревне она вставала вместе с солнцем, здесь Лидочка никогда не поднималась раньше десятого часа, и ей приказывали тихо лежать в постели, чтобы не разбудить барышню. Там она всегда сама одевалась очень скоро и небрежно, вовсе не думая о том, не криво ли застегнута ее рубашка и хорошо ли сидит ее сарафан; здесь ей помогала одеваться горничная Лидочки, и за всякий малейший беспорядок в туалете ей делала строгие выговоры гувернантка. Там она ела два раза в день, деревянной ложкой из деревянной чашки с бабкой и дядей, а в промежутках довольствовалась куском черного хлеба; здесь приходилось пять раз в день садиться за еду и кушать или серебряной ложкой, или вилкой, тихонько, осторожно, чтобы ничего не пролить и не испачкать, иначе приходилось выслушивать резкие замечания от Лидии Павловны; там дядя иногда бранил ее и даже случалось поколачивал немного, бабушка ворчала на нее, но зато иногда нежно ласкала и голубила «сиротиночку», здесь ее никто не бил, даже бранными словами не называл, но зато никто и не ласкал, исключая разве Лидочку, и то, когда ей хотелось чего-нибудь выпросить. Там бабушка только изредка присаживала ее за работу, а остальное время позволяла ей свободно бегать и играть на улице, здесь за ней постоянно бдительно присматривала гувернантка, ежеминутно останавливала ее то за

³ Прюнелевый – сделанный из прютели, шерстяной ткани черного цвета.

слишком громкий голос, то за неловкое движение, то за какое-нибудь «мужицкое» выражение. В деревне все жители относились к ней ласково; охотно приглашали ее к себе, дарили ей гостинцев, называли ее «красавка», «Божье дитя»; девочка чувствовала себя хорошо и непринужденно и охотно отвечала на их ласки. В доме Вязиной было не так: Лидия Павловна говорила с ней или строго-внушительно, или насмешливо, как с дурочкой; гувернантка смотрела на нее как на игрушку, привезенную для Лидочки из деревни, – на игрушку, которую надо как можно скорее переделать из «мужицкой» в петербургскую, приличную, и потому заставляла ее исполнять все капризы Лидочки и в то же время неумоимо старалась выучить ее хорошим манерам.

Прислуга в доме с первого же дня возненавидела Нелли. Может быть, она боялась, что с появлением этой новой «барышни» у нее прибавится работы, может быть, ей казалось оскорбительным прислуживать простой деревенской девочке, но она положительно невзлюбила Нелли и на каждом шагу показывала ей это. Но зато новая жизнь дала Нелли и много новых радостей; она жила в теплом, красивом доме, спала на мягонькой, чистенькой постельке, ела такие вкусные кушанья, о которых и не мечтали ее деревенские подруги, а главное, она могла играть со всеми игрушками Лидочки, а игрушек этих было так много, и все такие великолепные, красивые! Конечно, девочку постарше хорошенькая кукла не могла бы утешить за недостаток любви и сочувствия, но Нелли только что минуло девять лет, – мудрено ли, если она, укачивая лайкового ребенка или запрягая лошадок в картонную карету, забывала все свои неприятности и вполне предавалась игре. Вот и теперь, гувернантка только что дала ей строгий нагоняй за то, что она не может выучиться делать хорошенькие реверансы; она даже поплакала немножко, но потом села к окну да так засмотрелась на всех проезжающих и проходящих, что позабыла и о гувернантках, и о реверансах.

– Нелли, Нелли, – раздался серебристый голосок Лидочки, вбежавшей в комнату. – Знаешь, с сегодняшнего дня ты начнешь вместе со мной учиться по-французски у *mademoiselle*. Сказала маме, как ты вчера назвала куклу «ла попе», и мы так хохотали! Я без тебя не буду учиться, я так и маме сказала, идем.

– Ну, Лидочка, вы опять будете смеяться надо мной, как вчера, – недовольным голосом проговорила Нелли.

– Ничего, Нелли, душечка, пойдем! Ты должна идти, мама велела, а то я скажу *mademoiselle*!

Она взяла за руку Нелли и потащила ее в классную, где уже сидела гувернантка, готовясь давать урок французского языка своей воспитаннице.

– *Mademoiselle*, – заговорила Лидочка по-французски, – я вам привела новую ученицу; если бы вы знали, как она коверкает французские слова, мне так будет смешно слушать, пожалуйста, поучите ее.

Гувернантке, вероятно, также показалось интересным послушать, как коверкают французские слова, она улыбнулась и начала урок для Нелли. Деревенский язычок бедной девочки, не вполне правильно произносивший даже многие русские слова, совершенно отказывался служить ей, когда дело доходило до разных французских *en, on, oin*. *Mademoiselle* сначала улыбалась ее «непонятливости», потом начала сердиться и топтать ногой, а Лидочка положительно помирала со смеху при всякой ошибке своей подруги. Нелли сначала прилагала все усилия, чтобы выговорить, как ей приказывали, и несколько раз просила Лидочку перестать смеяться, но наконец не выдержала и разразилась громкими рыданиями. В эту минуту в комнату вошла Лидия Павловна. Она спросила о причине слез Нелли, и ей рассказали, в чем дело. Лидочка чувствовала в душе, что поступила не совсем хорошо, и смущенно посмотрела на мать, ожидая от нее выговора. Но Лидия Павловна обратилась со своим выговором не к ней, а к Нелли.

– Какая ты дурная, неблагодарная девочка, – сказала она, – тебя учат, хотят твоей же пользы. Лидочка так добра, что обращается с тобой как с равной, позволяет тебе брать вместе с нею уроки, а ты еще смеешь обижаться, если она когда-нибудь пошутит над тобой! Сейчас же вытри слезы, чтоб я никогда ничего подобного не видела! Слышишь ли? И иди проси прощенья у mademoiselle за то, что ты раскапризничалась, и у Лидочки за то, что ты смела обидеться на ее шутку.

Нелли, хотя ребенок, но вполне сознавала, что с ней поступают несправедливо. Рыдания душили ее, но она не смела послушаться строгого приказа Лидии Павловны и пролепетала прерывающимся голосом, подходя к гувернантке: «Простите меня». Она собиралась обратиться с теми же словами и к Лидочке, хотя это было для нее еще тяжелее, но Лидочка, по природе девочка добрая, только чересчур избалованная матерью, сама подбежала к ней и крепко обняла ее со словами:

– Ну, помиримся, не плачь!

Нелли нехотя поцеловала свою подругу, но только страх перед Лидией Павловной заставлял ее удерживать слезы; на сердце же у нее долго оставалось горькое чувство незаслуженного оскорбления. Сцены, подобные описанной нами, стали повторяться чуть ли не каждый день. Нелли заставляли учиться по-французски и по-немецки, чтобы забавлять Лидочку. Если девочка отказывалась брать уроки, ее называли ленивой, упрямой и жаловались на нее Лидии Павловне, которую она не смела послушаться. Если она плакала и не хотела произносить трудных слов, гувернантка наказывала ее за леность и капризы; если она сердилась на Лидочку или просила ее не смеяться, ее упрекали в неблагодарности, в глупой обидчивости. Лидочке все беспрестанно твердили, что Нелли должна ей угождать, что она живет из милости, так что в конце концов она стала смотреть на свою деревенскую подругу как на игрушку, которая не может не подчиняться ей во всем. Кроме уроков французского и немецкого языка, Лидочка брала еще уроки русского и арифметики у учительницы, приходившей к ней три раза в неделю. Нелли приказали участвовать и в этих уроках, но тут класс проходил не так весело для Лидочки и не так мучительно для нее. Ольга Сергеевна, учительница русского языка, была дама серьезная, она не позволяла смеяться у себя в классе, кроме того, она смотрела на Нелли как на девочку, равную Лидочке, и занималась с ней очень старательно.

Через полгода Нелли стала уже очень порядочно читать и писать по-русски, а считала положительно лучше и скорее Лидочки.

Раз как-то после урока учительница сказала этой последней:

– Не худо бы вам, Лидия, взять пример с вашей маленькой подруги! Посмотрите, как она внимательна и прилежна! Она в полгода выучила столько же, сколько вы в полтора года!

При этих словах Лидочка сильно покраснела, глаза ее наполнились слезами и, не проотившись с учительницей, она прямо пошла в комнату матери.

– Мама, – вскричала она, с рыданием бросаясь на шею матери, – возьми мне другую учительницу, я не хочу учиться у Ольги Сергеевны! Она нехорошая!

– Что такое, что случилось? – спрашивала встревоженная маменька, лаская свою заплаканную дочку. – Ты прежде так любила Ольгу Сергеевну; чем же она так обидела мою девочку?

– Да она теперь все учит больше Нелли, а не меня, и говорит, что Нелли лучше меня, что она больше меня знает, ведь это неправда, мама?

– Конечно, неправда, моя радость! Я даже удивляюсь, как могла такая умная дама, как Ольга Сергеевна, сказать подобную вещь! Нелли, эта деревенщина, которая год тому назад не умела порядочно вытереть себе носа, лучше моей милой дочки. Не плачь, ангел мой! Стоит ли эта девчонка твоих слез! Она уж слишком начинает забываться. Ты ее избаловала. Нечего ей больше учиться у Ольги Сергеевны. Читать, писать умеет, с нее и довольно. Вытри глазки, надень свое новенькое платьице и поедem кататься.

Лидочка побежала одеваться и совершенно забыла о своем минутном горе. Нелли же приказано было в следующий раз не сметь являться в класс Ольги Сергеевны.

Это приказание очень огорчило девочку. Она полюбила учительницу, которая, хотя и не ласкала ее, но обращалась с ней хорошо, приветливо, не унижала и не оскорбляла ее. Не видеть доброго, хотя серьезного лица Ольги Сергеевны, не слышать ее тихого, кроткого голоса – было для Нелли большим лишением. Кроме того, она от души полюбила как чтение, так и арифметику; она охотно просиживала бы за книгой или за арифметическими задачами целые часы, и вдруг ей говорят, что это не ее дело, что ей не нужно учиться! Первый урок, который Ольга Сергеевна давала без нее, девочка провела в горьких слезах и, по окончании его, бросилась к Лидочке.

– Лида, отчего мне не позволяют учиться у Ольги Сергеевны? – спрашивала она. – Попросите маменьку, чтобы она мне позволила! Мне так хочется!

– Ах, Нелли, какая ты, право, странная, – отвечала Лидочка, – мама говорит, что ты умеешь читать и писать и что больше тебе ничего не нужно.

– Да ведь я не умею, Лидочка, вы знаете, что я пишу очень дурно!

– Ну, уж это не мое дело, мама знает, что говорит! Да что это какая ты капризная, Нелли, у mademoiselle учиться не хочешь, а то вдруг плачешь, что тебя не учат. Это ужасно дурно с твоей стороны; перестань же, вытри глаза, плакса, пойдем играть.

И она тащила Нелли к игрушкам, в то время как бедняжке было вовсе не до игр.

Отношения между обеими девочками были теперь совсем не те, что во время их первого знакомства в деревне.

Там Лидочка боялась обижать свою маленькую подругу, боялась, что та перестанет ходить к ней и ей опять придется скучать; здесь же она понимала, что Нелли уйти некуда, что Нелли должна все переносить терпеливо и не смеет оставить ее. Не злая от природы, она, вследствие чрезмерного баловства своей матери, сделалась своевольна, властолюбива и капризна и считала совершенно лишним скрывать эти недостатки перед деревенской девочкой, живущей из милости в их доме. Никогда не приходило ей в голову, как тяжело должны были ложиться ее обиды на сердце бедной сиротки, которую некому было ни приласкать, ни утешить; никогда не сознавала она, как несправедливо и жестоко поступает с беззащитным ребенком, не сделавшим ей никакого зла и вполне зависевшим от ее прихотей.

Во время игр вдвоем с Нелли Лидочка, впрочем, редко выказывала свой дурной нрав. Она была девочка веселая, живая, ей хотелось, чтобы и Нелли резвилась и веселилась заодно с нею, и она скоро заметила, что приказаниями нельзя заставить веселиться, что те игры, в

которых Нелли участвовала по принуждению, шли вяло и неинтересно. Поэтому она, сидя вдвоем со своей подругой за игрушками, оставляла повелительный тон, часто называла Нелли самыми дружескими именами и даже иногда уступала ей в чем-нибудь. Но когда приезжали гости, когда детская наполнялась разными маленькими разряженными барышнями и их гувернантками, тогда Лидочка находила лишним щадить свою деревенскую подругу. В первое время ей очень нравилось разыгрывать роль покровительницы Нелли. Она всем рассказывала, что это деревенская девочка, сиротка, которая у них живет, которой она дарит свои платицы и позволяет играть со своими игрушками, которая ничего не умеет, не умеет даже зашпиливать булавок и разрезать за обедом кушанья, но которую она всему выучит. Девочки-гости рассматривали Нелли, точно какого-нибудь невиданного зверька, подсмеивались над ней и в играх всегда отводили ей худшие роли. При этом Лидочка старалась показать, что она одна имеет право распоряжаться Нелли и что та во всем обязана ее слушаться.

Если кто-нибудь из гостей говорил Нелли: «Принеси мне воды!» или: «Поправь мне ленточку!» – Лидочка вступалась за нее, говорила, что она не горничная, что она не должна исполнять ничьих приказаний, но тут же сама командовала ею и кричала на нее так, как порядочная девочка не позволит себе кричать и на горничную. Первое время Нелли была очень робка и застенчива при посторонних и из застенчивости беспрекословно исполняла все, чего от нее требовали. Но через год или полтора дикость ее исчезла, она увидела, что все эти разряженные барышни ничуть не лучше ее, ей захотелось играть с ними как с равными себе, она не соглашалась слушаться при них Лидочку и досадовала на повелительный ее тон. Тогда Лидочка, в свою очередь, начинала сердиться и упрекать Нелли. Раз как-то гувернантка услышала эту ссору при гостях. Виноватую осталась, по обыкновению, Нелли: «Ты не умеешь вести себя в обществе благородных детей, – строгим голосом сказала ей француженка, – поди прочь отсюда!»

Она взяла девочку за руку, увела ее в темную комнату и не выпускала до тех пор, пока не разъехались все гости.

После этого много раз приходилось Нелли таким образом просиживать одной в темноте, пока другие дети играли в детской; ее оставляли с гостями только под тем условием, чтобы она помнила, что она сирота, бедная мужичка, которая должна всем угождать, а это условие было очень нелегко исполнять.

Если маленькие гости мучили Нелли, то нельзя сказать, чтобы и большие гости, приезжавшие в дом, доставляли ей удовольствие. Ее обыкновенно выводили в гостиную или вместе с Лидочкой, или одну, и там все осматривали ее, точно какого-нибудь зверька заморского. Лидия Павловна подзывала ее к себе и говорила, указывая на нее той или другой даме:

– Посмотрите-ка на нашу Нелли! Заметно ли, что еще недавно она бегала босиком и не умела надеть платья. Ну, стой же прямо, глупенькая, не опускай головы, видите: барышня – как следует! А все моя Лида! Сделала из нее не горничную, а подругу себе. Просто ангельское сердце у моей малютки!

Начинались длинные разговоры о хороших качествах Лидочки, Нелли должна была стоять на месте, держаться прямо, не опускать головы, не шевелить руками, иначе Лидия Павловна делала ей при всех замечания и все смеялись над ней. Иногда приезжие барыни заговаривали с ней, ласкали ее, но это более смущало, чем радовало ее. Она своим детским сердечком чувствовала в этих ласках какую-то презрительную снисходительность, во всех вопросах, предлагаемых ей, не участие, а скорее насмешку, желание потешиться над ней. Девочке казалось, что она не говорила ничего смешного, когда на вопрос, кто лучше: ее дядя в деревне или какой-нибудь старый, некрасивый гость, она отвечала «дядя», а на вопрос, что веселее: доить коров или учиться по-французски, говорила «доить коров». А между тем над этими и тому подобными ответами все хохотали, называя ее маленькой дурочкой, простушкой и какими-то французскими именами, которых она не понимала, но которые казались ей тем обиднее. Нелли попробовала совсем не говорить с гостями и соглашалась лучше сидеть в темной комнате, чем

выходить в гостиную, но Лидия Павловна объявила ей, что она не смеет высказывать никаких желаний, что велит ей идти на кухню – она должна идти, велит сидеть в гостиной – она должна сидеть, а что если она будет смотреть букой, не отвечать на вопросы и не постарается выучиться у Лидочки хорошим манерам, то она при всех гостях накажет ее. Нелли не знала, в чем будет состоять это наказание, но она так боялась Лидии Павловны, что одного ее строгого взгляда довольно было, чтобы заставить ее слушаться. К счастью для девочки, гостям наконец надоело заниматься ею. Года через полтора – через два разве какая-нибудь новая знакомая спрашивала у Лидии Павловны, указывая на нее:

– Это ваша дочь? – и получала в ответ рассказ Неллиной истории; все же остальные привыкли видеть Нелли в гостиной и не обращали больше на нее внимания.

Время шло. С тех пор как Нелли жила в доме Вязиных, пролетело три года. Эти три года не остались без следа ни для одной из девочек. Лидочка сильно выросла за это время, так что казалась старше своих лет, но личико ее потеряло ту детскую миловидность, которая делала его хорошеньким, несмотря на неправильные черты. Непомерное баловство матери и угодливость всех домашних превратили ее из милого, веселого ребенка в капризную, скущую тщеславную девочку, и качества эти, выражаясь на ее лице, делали ее совсем некрасивой. Нелли также изменилась. Она мало выросла, так что была целой головой ниже Лидочки, но в ней уже редко проявлялись прежняя живость и бойкость. Она по большей части держалась тихонько в стороне, стараясь никому не попадаться на глаза. Изредка только на нее находили припадки ее прежней деревенской веселости; тогда бледные щеки ее загорались опять свежим румянцем, громкий смех ее оглашал все комнаты и она напоминала прежнюю Аленушку. Вообще же теперь она совсем не походила на деревенскую девочку: желание Лидии Павловны исполнилось, и она научилась держать себя в гостиной ничуть не хуже самой Лидочки и ее нарядных гостей. В классной комнате она также уже перестала служить посмешищем: она премило говорила по-французски и стала порядочно читать, писать и переводить по-немецки и по-английски. Лидочка уж начала находить, что с ней совсем не весело учиться, но позволяла ей продолжать брать уроки, так как учительницы языков занимались с Нелли между прочим и не обращали на нее большого внимания.

Лидочке должно было минуть двенадцать лет. В этот день Лидия Павловна намеревалась дать большой детский бал. Нелли сказано было, что она может присутствовать на нем наравне с прочими, и позволено даже учиться танцам у учителя Лидочки. Обе девочки с нетерпением и восторгом ожидали этого дня. Лидочка много раз бывала на балах у своих знакомых, но в их доме ни разу еще не было детского бала, и она за целый месяц не думала ни о чем, кроме него. Нелли не имела о балах никакого понятия, но мысль, что она будет веселиться наравне с прочими детьми, что ей даже сошьют новое платьице – до сих пор она постоянно ходила в обносках Лидочки, – заставляла радостно биться ее маленькое сердечко.

Наконец настал давно желанный день. Лидочку и Нелли одели в хорошенькие балльные платьица, и хотя на платье Нелли не было столько бантиков и оборок, как на платье Лидочки, хотя башмачки ее были не розовенькие, а простые черные, хотя весь костюм ее был далеко не так наряден, как костюм ее подруги, но она все-таки считала себя вполне счастливою. Гостей собралось множество: более тридцати мальчиков и девочек, от шести до пятнадцатилетнего возраста, весело болтали и оглядывали друг друга, ожидая, пока заиграет музыка. Нелли в первый раз приходилось танцевать в таком обществе, в богато освещенной зале: до сих пор она только выделявала па с танцмейстером Лидочки. Сначала она робела и не решалась пускаться в танцы, потом попробовала пройтись с одним маленьким мальчиком, дело оказалось вовсе не трудно, мало-помалу она оживилась, и через час порхала по зале, веселая и довольная, забывая всякую робость, забывая все, кроме удовольствия. Щеки ее разгорелись от усиленного движения, глаза блистали счастьем, губки не переставали улыбаться, она опять напоминала ту

веселую, беззаботную Аленушку, которая так смело раскачивалась на тоненькой дощечке над речкой. И опять нельзя было не залюбоваться ею, не назвать ее прелестным ребенком.

Бликие знакомые Вязиной не узнавали в ней ту бледную, печальную, робкую девочку, которую они привыкли видеть в самом темном уголку гостиной, а малознакомые гости спрашивали друг друга:

– Как фамилия этой маленькой девочки? – и многие принимали ее за дочь Вязиной.

В половине вечера к Лидии Павловне подошла одна старая графиня, редко бывавшая у нее, но знакомством которой она очень дорожила:

– Какая вы счастливая мать, – сказала она ей, – я весь вечер глаз не могу отвести от вашей очаровательной дочки! Как она мила! Как от души веселится! В ней нет нисколько тех ужимок, которые так противны в детях. Она не старается корчить из себя взрослую девицу, как, например, та бледная блондиночка, что сидит на диване в углу. Посмотрите, какая между ними противоположность! Одна нисколько не заботится понравиться другим, и все ею любят, другая всеми силами старается обратить на себя внимание, и никто на нее не глядит!

Лидия Павловна посмотрела на тех двух девочек, которых указывала ей графиня, – увы! первая из них была Нелли, вторая – ее собственная дочь, ее Лидочка. Лидия Павловна не разъяснила графине ее ошибки и продолжала любезно разговаривать с ней, но в душе она была страшно оскорблена. Как! Кто-нибудь осмеливается сравнивать Нелли, эту деревенскую девочку, живущую из милости в ее доме, с ее собственной дочерью, с ее ненаглядной Лидочкой? Сравнивать, да еще находить, что ее сокровище, ее бесценная девочка во всех отношениях хуже мужички! Правда, Лидочка выглядела в эту минуту очень непривлекательной. Она заметила, что в зале есть девочки и красивее, и наряднее ее, самолюбие ее оскорблено, досада выражается на ее лице и делает его некрасивым. Кроме того, ей с некоторых пор начало казаться, что уж стыдно быть ребенком, что пора стать взрослой девицей, и вот она начала перенимать все манеры своих знакомых барышень, и эта неестественность движений делала ее иногда просто смешною. Окончив разговор с графиней, Лидия Павловна вышла в столовую, где в то время никого не было, и велела позвать к себе Нелли. Не чуя беды, радостная и оживленная, вбежала в комнату девочка.

– Ты забываешься, дрянная девчонка! – строгим голосом сказала ей Лидия Павловна. – Пошла вон и не смей больше показываться в залу!

Нелли стояла, как ошеломленная.

– Боже мой! Что ж я такое сделала? – проговорила она наконец дрожащим голосом.

– Еще ты смеешь рассуждать! Отправляйся на кухню, там твое настоящее место! Не показывайся мне на глаза сегодняшний вечер, слышишь? Отведите ее в кухню! – Последние слова относились к горничной, проходившей мимо.

Горничная со злобным смехом исполнила приказание своей барыни, и через несколько секунд Нелли очутилась на простом деревянном табурете, за кухонным столом.

Бедная девочка не понимала, что с ней делается. Она чувствовала только, что ее оскорбили, обидели, что злые люди лишили ее удовольствия, она чувствовала себя несчастной, страшно несчастной и с глухими рыданиями припала головкой к столу.

Кухарка, узнав от горничной, что Нелли прислана на кухню в наказание, сначала насмешливо смотрела на нее, но потом, как женщина добрая, сжалилась над горем ребенка.

Она подошла к ней и начала утешать ее простыми, но искренне ласковыми словами.

– Полно тебе убиваться, голубушка, – говорила она ей, – эка беда, что один вечерок не попляшешь, а просидишь здесь со мной; ведь я не злая, успокойся, не плачь так, я тебе дам пирожного, которое готовлю к ужину. Полно же, голубушка, перестань! Да за что это на тебя немилость? Что ты там такое сделала?

– Да ничего, Татьянушка, право, ничего, – рыдая проговорила Нелли, – я танцевала, мне было так весело, вдруг Лидия Павловна прислала за мной в столовую да и выгнала меня сюда! Я, право, не знаю, за что!

– Эка напасть какая! Ну, видно, так ей что-нибудь показалось! Что делать, Нелличка, голубчик! Ты в их доме живешь из милости, ты все должна сносить терпеливо, всему покоряться!

Не в первый раз слышала Нелли эти слова, но никогда не производили они на нее такого тяжелого впечатления, как теперь.

— Да я не хочу, чтобы меня мучили, — вскричала она, — а они меня мучат, они недобрые!

– Полно, голубчик, как можно так говорить, тебя здесь кормят, поят, одевают как барышню, а ты вдруг – мучат!

– Так зачем же меня бранят несправедливо, за что меня теперь наказали, когда я ничего, право, ничего не сделала!

– Ну что ж, иногда и побранят, и накажут – не беда, на то их барская воля! Вон у прежних господ, где я была, так жила одна барышня не тебе чета, уж большая, так иногда барыня так изобидит ее, что она придет ко мне в кухню да слезами так и заливается.

– Зачем же она жила там?

– Зачем? А куда же ей идти-то было? Работать она не умела, да и не в привычку ей было трудами хлеб добывать, вот и жила так из-за милости, да и сносила всякие обиды.

Нелли задумалась:

– Я не хочу жить из милости, – проговорила она.

– Ну, своим трудом будешь жить, тебя так не обидят, – заметила кухарка. – Вот я теперь, простая женщина, необразованная, а обиды не стану выносить. Потому, я знаю, я господам нужна. Я ими дорожу, и они мною должны дорожить, коли я свое дело знаю. Я себя без вины бранить не позволю, уйду, они и останутся без обеда. А ты что? Тебя всякий может обидеть, потому, куда ты денешься? Известно, всё должна стерпеть. Конечно, добрый человек греха побоится, не сделает зла ребенку, ну, да ведь добрых людей на свете немного!

Нелли не плакала больше. Слова кухарки запали ей в сердце и возбудили в голове ее целый ряд новых, небывалых мыслей. До сих пор она жила, как все дети, нисколько не думая о своей жизни, нисколько не стараясь понять причину своих неприятностей и найти средства избавиться от них. Она просто чувствовала, что ей живется невесело, но все невзгоды, свалившиеся на нее, она принимала как случайные несчастья. Ей как-то всегда казалось, что ее обижают оттого, что она маленькая, что вырастет она большая, и ей будет хорошо. И вот вдруг говорят, что есть и большие, которые терпят так же, как она, что она не будет счастливее и когда вырастет. Сердце девочки сжалось от горя, но в то же время в ней явилось твердое желание переменить свою судьбу. Она не хочет больше жить из милости, она уйдет... но куда? В деревню, к старой бабушке, к ворчливому, но доброму дяде, она поедет к ним, но у них также она не будет жить из милости. Татьяна говорит, что нужно работать, что тогда не будут обижать задаром, и она будет работать там, в деревне; там хорошо, там лучше, чем здесь.

В уме Нелли промелькнули картины давно прошедшей деревенской жизни; все, что было там тяжелого и неприятного, исчезло из ее памяти, – представлялось только все светлое, хорошее. Она совершенно успокоилась, даже развеселилась; с аппетитом съела вкусный ужин, которым угостила ее добрая кухарка, и даже крепко заснула на Татьяниной постели.

На другое утро, только что Лидия Павловна встала, Нелли вошла к ней в комнату. Вязина чувствовала себя несколько виноватой перед девочкой, которую напрасно обидела накануне, и потому приняла ее ласковее обыкновенного.

– Что тебе нужно, душенька? – спросила она у нее снисходительным голосом.

– Лидия Павловна! – начала Нелли дрожащим от волнения голосом. – Вы вчера сказали, что мне не место с господами... это правда... я мужичка... так отпустите меня в деревню к бабушке и дяде!

– Глупая девочка! Это ты разобиделась, что я мало дала тебе вчера поплясать? Полно, вот, на тебе в утешение этот хорошенький красненький галстучек, иди к Лидочке и не дуйся, это нехорошо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.